

Эли
ДРИМ
me

Принцесса для
СВОДНОГО

ТЫ РАЗБУДИЛА МОИХ ДЕМОНОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Элли Дрим

Принцесса для сводного.

Ты разбудила моих демонов

<https://litres.ru/72080407>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Не смей даже упоминать о том, что имеешь какое-то отношение ко мне, глупая овечка.

— Пусти, мне больно.

— Ты даже не догадываешься, что такое боль.

Он усмехается, а у меня кровь стынет в жилах.

Он – это Клим Дементьев, все называют его Дементор. Огромный, сильный, мрачный, неприветливый, грубый, злой. Тело в узоре черных татуировок и такая же черная душа.

А еще он – мой сводный. Сын мужа моей мамы. Он ненавидит и ее, и меня, считает нищобродками, охотницами за состоянием.

Я пыталась объяснить, что я не такая, но ему плевать.

Теперь мне тоже плевать!

Сначала я хотела завоевать его дружбу, а теперь буду делать всё ему назло.

Увы, я захожу слишком далеко, и чтобы не погибнуть, мне нужна помощь моего Дементора.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	36
Глава 8	41
Глава 9	46
Глава 10	52
Глава 11	61
Глава 12	66
Глава 13	72
Глава 14	78
Глава 15	85
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Элли Дрим

Принцесса для сводного.

Ты разбудила моих демонов

Глава 1

Майя

– То есть ты вышвырнул маму из своей жизни, чтобы заменить ее на эту шлюху?

– Закрой рот! Твоя мать сама сделала достаточно, чтобы убраться из нашей жизни, Клим! Я говорю тебе первый и последний раз...

– Можешь не говорить, мне плевать!

– Нет, ты выслушаешь! Стой!

Крики, которые доносятся из столовой, заставляют мое сердечко сжаться.

Я знаю, что сегодня должен был приехать Клим. Сын мужа моей мамы, Кирилла. Дядя Кир очень его ждал, рассказывал, что Клим юный гений, что он шарит в компьютерах и технологиях круче, чем Дуров в свое время. Каюсь, я не знала, кто такой Дуров, пришлось загуглить.

Ого! Вот это да! Создатель «В контакте» и «Телеграмм» – реально тот, кто «шарит», как выразился отчим.

Мне было жутко интересно увидеть этого Клима. Ну, как увидеть – именно вживую.

На самом деле я уже видела все фото, которые нашла тут, в особняке и в сети. Их не так много. Впечатление, что этот Клим специально окутывает себя ореолом загадочности. Что стоит одно фото, где виден торс с тату, а лицо укрыто капюшоном? Я разглядывала его, ловила себя на мысли, что мне хочется провести пальцами по татушке, нет, не по татушке, по его коже, по мышцам груди.

Каюсь, я слишком много об этом думала. О том, чтобы потрогать Клима.

Ни об одном другом парне я не размышляла в подобном ключе.

Никогда.

Да, мальчики интересовались мной всегда. Наверное, с детского садика точно.

Я всегда была такой принцессой-принцессой. Мама отлично шьет, и, даже когда мы с ней были на мели, у меня всегда оказывалось самое красивое платьице на празднике. И все мальчики дрались за право встать со мной в пару.

И в школе тоже было так же. Я ничего специально для этого не делала. Девчонки за моей спиной шушукались, обсуждая, что я нарочно строю из себя тихоню и скромную недоτροгу. Чтобы завлечь пацанов. Бред какой! Я никого не хотела завлекать! На самом деле я какое-то время панически боялась мужчин.

Причина была в том, кого я считала отцом. К счастью, позже мама объяснила, что моим папой этот человек, Алик, не был. Она просто вышла за него замуж, будучи беременной, надеялась, что Алик будет помогать. Он ей обещал, а потом... Он бил маму, сильно. Один раз избил так, что она попала в больницу, а меня чуть не отправили в детский дом, соседка спасла, забрала в свою квартиру. Алик и на меня руку пытался поднять. Тогда уже мама хорошенько его приложила. А потом собрала вещи, и мы сбежали. Подала на развод, Алик пытался препятствовать, но их развели. Потом мы узнали, что его посадили, какую-то женщину он все-таки убил.

Да, увы, знакомство с мужчинами в моей жизни было не самым веселым.

И когда парни стали подрастать, драться, я панически боялась проявления их агрессии. Сторонилась.

А девчонки посчитали, что я набиваю себе цену.

Подруг у меня было немного.

Я училась в шестом классе, когда мы с мамой переехали в областной центр, она устроилась медсестрой в хорошую платную клинику, мы сняли приличную квартиру, я пошла в хорошую школу.

Пошла с ужасом, уверена была, что меня не примут. Когда ко мне подошла пухленькая девочка Кира, я была очень рада. Оказалось, что Кира – лидер в классе, несмотря на полноту. Никто ее не троллил, попробовали бы! Кирюха была тот

еще командир – сама кого хочешь затроллишь. Она взялась за меня, а я взялась за нее! Да, да! Попросила маму найти мне книги по эндокринологии – мама же хотела стать врачом, но забеременела мной, пришлось оставить мечту. В справочнике я вычитала, что причиной полноты подруги может быть инсулинорезистентность, буквально заставила ее уговорить родителей пойти по врачам. Итог был, еще какой! Можно сказать, я спасла подругу от диабета. А она меня от одиночества и кучи комплексов.

Правда, с парнями сильно проще не стало. Я уже не боялась их, потому что мы с Кирой пошли на дзюдо, считали, что любого уложим на татами, правда, занимались всего год, но все-таки.

Просто тогда мне было неинтересно с мальчишками. Да и потом.

Может, просто не те парни мне попадались?

Да, они смотрели на меня как на божество. Я ведь отлично выглядела даже в пубертате, когда детки сильно меняются, и даже красотки часто превращаются в гадких утят.

Меня не особенно прельщало восхищение мальчиков, парней, юношей.

Я хотела учиться, думала о медицинском, но, пару раз побывав у мамы в клинике, поняла – это совсем не мое. Мама и Кира считали, что мне нужно в индустрию красоты, я же тоже стала шить, как и мама, и меня даже приглашали несколько раз участвовать в модельных показах. Но эта тема

меня тоже не вдохновляла. Мне совсем не зашел закулисный мир модельного бизнеса. Я, конечно, не отказывалась, все-таки это была финансовая поддержка для мамы, но и уби-ваться, чтобы меня взяли на показ или на фотосессию, была не готова.

Мне нравилось пытаться разобраться в людях, в их проблемах, я часто давала дельные советы той же Кирюшке и одноклассницам.

Кира первая сказала, что из меня выйдет классный психолог, я решила – почему бы и нет? Начала готовиться к поступлению.

А тут как гром среди ясного неба...

Нет, я видела, что с мамочкой что-то происходит. Сначала она стала задумчивой. Грустной. Потом, наоборот, слишком веселой. Как-то раз пришла домой с огромным букетом пионов, просто нереально огромным.

– Мам, у тебя кто-то появился, да?

– Ты против? Если против, то...

– Мамуля, ты что? Я только за! Ты же у меня такая красotka.

Мама на самом деле у меня красивая, мы очень похожи. Она фигуристая, невысокая блондинка, у нее точеное лицо, красивые пухлые губы – свои, родные, огромные голубые глаза. Мужчины на маму всегда делали стойку, но после Алика она долго боялась кого-то к себе близко подпускать. Знаю, что пара романов у нее была, но, видимо, не так се-

рьезно, как в этот раз. Маме было всего тридцать шесть, и она, конечно, имела право на счастье!

Через пару недель мама пригласила его домой. Очень сильно волновалась.

Я увидела ее избранника и реально офигела!

Во-первых, к нашему дому он подъехал на крутом внедорожнике. Дверь ему открыл охранник!

– Мама, он богатый?

– Неприлично, Май, неприлично богатый, – сказала мама, закусив губу. – Я поэтому и боюсь, и волнуюсь. Зачем Кириллу я? Он может взять любую, молоденькую, красивую.

– Мам, ты у меня и молоденькая и красивая!

– Он до меня встречался с моделью двадцатидвухлетней. Ну, как встречался, она была его содержанкой. Майя, если вдруг он будет к тебе приставать, ты же мне скажешь?

– Мамуль, ты что, с ума сошла?

Мама потом извинялась передо мной за эти слова, но она реально боялась.

А мне достаточно было увидеть, как Кирилл на нее смотрит.

Красивый, богатый, умный, с хорошим чувством юмора. Я тогда в шутку спросила, нет ли у него брата помоложе, для меня.

– Есть сын. Уверен, тебе понравится. Но характер у него – не дай боже. Таким куколкам, как ты, Майя, лучше держаться от Клим подальше. Ему подрасти надо, пройдет этот

юношеский максимализм, и он будет для кого-то отличным мужем. Как и я.

Мы с мамой знали, что Кирилл в разводе, причины маме были известны, но мне никто не докладывал.

И вот теперь я слышу страшные обвинения, которые бросает этот Клим!

– Стой, я сказал!

– Да пошел ты!

Я застываю в дверях и не успеваю отодвинуться, когда на меня несется огромная фигура в черном, толкает плечом и сбивает с ног.

Вскрикиваю, понимая, что лечу на пол, но сильные руки хватают меня, прижимая, сдавливая что есть мочи.

Поднимаю голову и сталкиваюсь с безумным взглядом его необыкновенных глаз. В полутемном холле кажется, что они светятся желтым огнем, как у тигра.

– Подслушиваешь?

– Нет, я просто хотела зайти.

– Будешь крысятничать, я тебя размажу, поняла, кудряшка?

Он наматывает мой локон на свой палец и неожиданно с силой дергает, так, что у меня слезы брызжут из глаз.

– Ты что?

– Лучше держись от меня подальше, Барби. Я ни хрена не Кен.

Да, он не Кен, я это быстро поняла.

Глава 2

Майя

У меня на глазах невольные слезы, кожу головы саднит от того, как он сильно дернул меня за волосы. За что? Что я ему сделала? Дикарь какой-то.

Откуда такая ненависть? Неуравновешенный дикарь! Мне становится страшно.

Зачем мама связалась с этой семейкой? И мне теперь что, общаться с этим бешеным? Я, по правде сказать, надеялась, что мы... Ну, подружмся – это слишком нереально, но хотя бы будем общаться нормально. Климку же не пятнадцать! В конце-то концов!

Но оказалось как оказалось. Горло дерет от невыплаканных слез, у меня вообще часто слезы близко, могу расплакаться из-за ерунды, но с возрастом научилась сдерживаться. Но тут...

– Майчонок, что случилось? – мама подбегает ко мне, обшаривает сверху-донижу взглядом, видит, что я держусь за голову. – Тебя ударили? – шепчет и порывисто меня обнимает.

– Ударили? – не понимаю, о чем она. С чего такие мысли? – Нет, нет, – кручу головой, – меня никто не ударил.

– Но что случилось?

– Случился мой сын, – Кирилл Дмитриевич выходит из

кабинета, взгляд хмурый, но вместе с тем извиняющийся, – извини его, Майя, этот парень... Он...

– Он не рад нам, – смело встречаю взгляд отчима.

– Ерунда, – он сцепляет челюсти и становится похожим на своего отпрыска.

Только Клим мрачнее, жестче, злее.

Интересно, что его сделало таким? Обычно есть причина.

Мы не рождаемся злыми изначально. Должны быть обстоятельства, которые ожесточают, делают бешеным зверем с неконтролируемыми эмоциями.

– Я с ним поговорю. Он не будет обращаться с вами плохо, – заявляет отчим и смотрит на меня прицельно. – Майя, не обращай внимания. Если будут какие-то проблемы, приходи сразу ко мне.

– Давай я провожу тебя в комнату, – щебечет мама, как всегда, умело переключаясь на добрый лад. Она миротворец, и у нее отлично получается сглаживать углы. – Ты мне говори, если что, – шепчет мне, обнимая за плечи, пока мы поднимаемся по шикарной белоснежной лестнице, не побоюсь этого слова, замка. – Клим просто пока не принял нас, еще бы – думает невесть что. Наверное, его можно понять. Что он тебе сказал, милая?

Уже в комнате сажусь на диван и прижимаю к себе подушку, а мама расхаживает по комнате и что-то перекладывает с места на место. Только так я понимаю, насколько она нервничает, хоть и пытается скрыть это. Рассказываю ей про

стычку с Климом. Она замирает, от шока глаза ее округляются.

– Прямо угрожал? За волосы дернул? Ну... – растерянно охает. – Я всё же надеюсь, что он успокоится. Но ты постарайся тогда с ним не пересекаться, а я буду держать руку на пульсе. Милая, всё будет хорошо. – Мама присаживается на край моей кровати с, обалдеть, балдахинном и гладит меня по щеке. – Ты не злишься на меня?

Вскидываю голову.

– На тебя?

– Это из-за меня всё. Я решила строить свою личную жизнь, и тебе пришлось жить тут.

Я слушаю ее слова, она осознает их, и мы синхронно хихикаем, как две подружки. “Пришлось” – это не про особенняк Дементьевых и его шикарную обстановку. Многие бы мне позавидовали. И моей мамочке – тоже. Наверное, нам и правда повезло. Ну а Клим – ложка дегтя в бочке меда. Большая такая ложка. Правда, дело вовсе не в деньгах. Мама никогда не была меркантильной и не стала бы ни с кем встречаться ради денег. Ни за что. Я знаю, что она любит Кирилла, и желаю ей счастья. А она переживает за меня. Обнимаемся снова, она смотрит на меня с сочувствием.

– Давай дадим время Климу. Он привыкнет. Если что, Кирилл с ним поговорит.

– Давай, мам, – улыбаюсь, а у самой на душе сумрачно, плохое предчувствие гложет, под ложечкой сосет.

Мама не видела этот дикий тигриный взгляд, который транслирует ненависть.

Вспоминаю, и табун мурашек несется по коже, и в горле застревает ком.

Так вот какой ты, оказывается. Клим Дементьев.

Настоящий Дементор!

Как я хотела, чтобы всё было иначе!

Глава 3

Майя

Почему-то, глупая овечка, я рассчитывала совсем на другое.

Мне казалось, что начиналось всё неплохо, почему я и думала, что у нас с Климом будет нормальное общение. Наверное, потому, что я ассоциировала Клим с его отцом, с Кириллом, который мне очень понравился.

После того как Кирилл сделал маме предложение, они сыграли милую скромную свадьбу. Мама не захотела банкет на двести персон. Тогда я была уверена, что Клим приедет, – это же свадьба отца! Но его не было, он проигнорировал радостное для отца событие. И сейчас я понимаю почему – скорее всего, он считает, что его родители разошлись из-за моей мамы.

Решаю озвучить ей свою мысль, вот прямо не могу успокоиться, мне хочется разобраться в причинах такой лютой ненависти.

– Мам, так, может, Клим уверен, что его родители развелись из-за тебя?

– Нет, Майчонок, – мама улыбается, – я бы ни за что не стала любовницей. Он уже был разведен до нашего знакомства. Мы в клинике познакомились, когда он приехал туда с травмой. Я делала перевязки, так и познакомились.

Мама мне никогда не рассказывала подробно, как она встретила Кирилла, поэтому я слушаю с большим интересом.

– А что потом? На свидание позвал?

– Если бы, – мама фыркает, но в глазах хитринка, – он мне сделал предложение. Но не руки и сердца, нет, такое, о котором маленькие девочки еще ничего не знают.

Сконфуженно краснею, пытаюсь не думать о том, что конкретно предложил Кирилл. Нет, нет, я даже знать не хочу. Я правда еще слишком маленькая для подобного.

Мама продолжает вспоминать, перескакивая с непристойного момента на приличные события:

– Потом я пошла к главврачу, попросила его, чтобы больше я этому пациенту перевязки не делала. Но Кирилл потом меня нашел, извинился, предложил сходить на свидание, я отказала. Не хотела связываться. Но мы продолжали порой встречаться в коридорах клиники. Он видел меня за работой. Знаешь, потом признался, что его впечатлило, как усердно и терпеливо я занимаюсь с пожилыми, капризными пациентами. Сказал потом, что оценил это, начал нормально ухаживать, красиво, – мама мечтательно улыбается, видно, что ей приятно это вспоминать. – Я сначала не хотела, боялась. Не мой уровень вроде как, да и он привык к эскортницам, раз подумал, что можно подкатить к медсестре, – передергивает плечами и крутит обручальное кольцо на пальце. – Но на самом деле всё не так было. Он нормальный, Кирилл,

а жена от него сама гулять стала. Он был верный, любил ее, а она к его компаньону в трусы залезла, ну, он ее и выгнал. А сыну она наплела, что всё наоборот, папаша блудил, а она верная.

– Значит, все-таки Клим уверен, что ты увела его отца от матери?

– Выходит, что так. Но думаю, если дело будет плохо, ну, между вами, я попрошу Кирилла не жалеть сына и сказать ему как есть. Пусть знает правду.

Сглатываю ком в горле и натянуто улыбаюсь. Надеюсь, что всё рассосется само собой. Мы же всегда так думаем, верно? Что всё наладится, что люди вокруг добрые, ну или, по крайней мере, они не сделают тебе зла, если добрый ты и к ним хорошо относишься.

Как бы не так! Это правило не работает. У вселенной другие планы.

И у моего сводного брата слова не расходятся с делом.

Как только я выхожу во двор, чтобы подышать вечерней прохладой, как вдруг, откуда ни возьмись, на меня налетают две черные тени. Собаки! Огромные доберманы, похожие на церберов из ада, начинают громко лаять, брызгая слюной, которая летит во все стороны с огромных клыков. Дрожь прокатывается по телу, и меня сшибает с ног, падаю на четвереньки и зажмуриваюсь, не понимая, что делать.

Они же меня разорвут! И не подавятся даже!

И тут я слышу спокойное:

– Ко мне.

И собаки, как милые щеночки, виляя хвостом, подбегают к Климу, тот стоит с довольной улыбкой, похожей на оскал хищника, и держит в руке два огромных куска мяса, дразня своих питомцев.

Боже, какие они жуткие! И бегают без поводков и намордников по двору.

Это вообще нормально?

Во все глаза смотрю на то, как он поднимает шматы ярко-красного мяса, размахивая им, и – естественно, намеренно – дергает рукой, якобы бросая им в меня.

Страх перемалывается злостью, и в сухом остатке остается только она.

Я вспыхиваю как спичка и резко поднимаюсь на ноги.

Он думал, что меня можно напугать? Загнать в угол?

Не хочу ему этого позволять!

Глава 4

Майя

– Боишься? – намеренно тянет слова, издевательски улыбаясь.

Бесячий сводный! Как же он меня бесит!

Напугать решил? Так вот нет, я не покажу тебе страха, Клим!

Стараюсь дышать ровно и небрежно пожимаю плечами, складывая руки на груди. Не так заметно становится, что они дрожат. Да что там, я вся дрожу! Губы похолодели, ноги трясутся, едва сдерживаю порыв бежать отсюда без оглядки.

– С чего мне бояться? Ты же не хочешь, чтобы меня загрызли твои собаки? – выделяю слово “твой”, намекая, что отец его по головке не погладит, если на меня накинутся ручные доберманы новоявленного братца.

Киваю на псов, что притихли рядом с ногой своего хозяина. Клим треплет их по холке, они довольно урчат, я невольно любуюсь этой картинкой – высокий, красивый парень с двумя доберманами. Это достойно постера фильма. Фильма ужасов, в котором монстр насылает на жертву хищных собак...

Да уж, Клим явно не принц из сказки. Как он там сказал? Я не Кен. Держись от меня подальше? Так чего же сам цепляется?

– Чего ты добиваешься? – спрашиваю бесстрашно.

Нет смысла ходить вокруг да около.

– А что, это непонятно? – бросает резко, практически выплевывает.

Он похож на смертоносную пулю, которая готова вылететь из дула пистолета и прошибить твою грудную клетку. Отнять жизнь.

– Зачем ты грубишь? Я просто спросила. Наши родители поженились. Мы с тобой будем ходить в один университет. Зачем нам ругаться?

Прежде чем ответить, Клим кормит мясом своих “милых щеночков”, которые едят с его руки и жалобно скулят, выпрашивая его ласки. Потом отряхивает руки и подходит ко мне, заставляя инстинктивно вздернуть подбородок.

До чего же он огромный. Скала. Отвесная скала, непоколебимая вершина, твердая и опасная.

– Надо же, университет, – тянет он, медленно доставая из кармана влажные салфетки, вытирает руки, убирает пачку обратно и возвращает внимание ко мне, лениво проходясь глазами по моему лицу.

И там, где останавливается его взгляд, я чувствую жжение.

Да что же это такое? Даже губы печет. Никогда я такого не ощущала рядом с мальчиками. Почему из всех парней на свете я так остро реагирую именно на гадкого сводного братца?

Майя, ты же будущий психолог, ты прекрасно знаешь объ-

яснение! Так работают инстинкты самозащиты – все чувства мобилизуются, чтобы не проиграть в битве, в данном случае словесной.

– А что тебя удивляет?

– Может, то, что блондинки считают, что у них есть мозги?

Очень смешно, пытается вывести меня из себя? Ладно. Просто не буду на это реагировать.

– Вообще-то, я хотела быть медиком. Как моя мама.

– Медиком? – он усмехается, а дальше выплевывает очередную гадость: – Ты называешь медиком тупую медсестру, которая меняет утки старикам?

А вот на это не повестись нельзя.

– Медсестры не тупые. И они делают гораздо больше! – бросаюсь на защиту мамы, но снова вижу гадкую издевательскую улыбку.

Он меня спровоцировал. Специально! Снова беру эмоции под контроль.

Вдох – выдох. Дыши, Майя! Ты же не хочешь проиграть.

– Моя мама хотела быть врачом, но не смогла доучиться. Потому что родила меня.

– Ты решила мне рассказать всю свою родословную до пятого колена? – усмехается Клим, стоя в позе, которая отзеркаливает мою. Только его ноги широко расставлены, тогда как я на своих еле стою. Они продолжают дрожать – нелегко отбивать его издевки.

– Я просто разговор поддерживаю, пытаюсь наладить отношения, – выдаю сиплым голосом, который набирает силу. За маму я любого порву! – Мама не виновата, что так вышло!

– А кто виноват? Говорю же, тупая. Какой из нее медик, если она не умеет предохраняться?

– Жаль, что твои родители не предохранялись и родился ты! – выпаливаю, тут же жалея, а Клим словно просыпается.

С него слетает ленивая сонливость, и глаза начинают агрессивно поблескивать.

– Ну да, вашей нищей семейке было бы выгодно, если бы меня тут не было.

Даже не хочу знать, что он имеет в виду! Но контакта – явно не вышло!

– Думай что хочешь, Клим! Не надо судить о людях, которых ты не знаешь! Моя мама замуж собиралась, она не знала, что отец ее ребенка погибнет, – я содрогаюсь от озноба, сотрясающего всё тело, и из глаз текут слезы.

Черт, я не хотела плакать перед ним и показывать слабость.

– Ну-ну, не надо так стараться, Барби, – Клим подходит ближе, пугающе близко, – что ты там пищала про университет? Хотела медиком стать?

От резкой смены тона я теряюсь. Он... Он специально так делает, чтобы дезориентировать противника. Знаю это, но всё равно поддаюсь. Предвестники Стокгольмского синдрома на месте. Когда агрессор выдает крохотную каплю ласки,

жертва сразу же реагирует.

– Да. Я... хотела. Только... только я боюсь крови... Поэтому... поэтому я...

Вот зачем я это сказала? Это точно было зря. Зачем я стала откровенничать?

– Медик, который боится крови. Интересно, – снова тянет Клим, – трудно тебе тут будет, принцесса, – улыбается, напоминая жуткого Джокера.

– Почему? – выдавливаю из себя, не в силах оторвать взгляда от его хищной красоты.

Крапинки в тигриных глазах завораживают. И Клим просто потрясающе красивый. Он как звезда, как актер из фильма, или рок-музыкант. Я чувствую себя фанаткой, которая оказалась рядом с кумиром. И это так глупо, и хочется надавать себе по щекам за то, что я как мотылек, который глупо и абсолютно бездумно летит на яркий свет, рискуя спалить себя дотла.

– Потому что я... – Он вдруг заводит руку за спину, заставляя меня непонимающе хлопать ресницами. Что он задумал? – Потому что я-то как раз очень люблю кровь.

Перед моими глазами сверкает лезвие. Это нож. Настоящий кинжал, который Клим вытащил из-за пояса и подносит к своей раскрытой ладони. Взмах – и он проводит по коже. Смотрю во все глаза. На коже проступает кровь. А он – он даже не дергается.

Он вообще человек?! Кто так делает? Куда я попала?

Мне кажется, я сойду с ума – он порезал руку, чтобы напугать меня видом крови?

Глава 5

Майя

– Ты... Ты с ума сошел? – шагаю к нему смело, хватая за запястье.

Он дергается, но руку не вырывает, кровь льется, густая, алая, на улице сумерки уже, но на нас падает свет фонаря.

– Ты же боишься крови?

– Да... – На самом деле боюсь, смотрю на его ладонь, а в глазах туман, и тошнота подкатывает.

– И почему ты не падаешь в обморок? Давай, ну?

– Ты совсем дурак, да? Знаешь, что можешь занести инфекцию? Или столбняк? У тебя прививки есть?

– Ты точно двинутая, ладно, пусти, концерт окончен.

– Нет! – вскрикиваю, когда он пытается оттолкнуть. – Нужно продезинфицировать обязательно и повязку наложить.

– Наложить можно в штаны, детка, мои парни еще здесь, мне их позвать? – он складывает губы, собираясь свистнуть, а я, видимо, схожу с ума от страха настолько, что поднимаю вторую руку и закрываю ему рот.

Мгновение мы стоим, глядя друг на друга не отрываясь, потом Клим дергает головой, сбрасывая мою ладонь.

– Рамсы попугала, кудряшка? Не смей меня трогать.

– Я сказала, что нужно сделать повязку. Хочешь, чтобы я

позвала маму или твоего отца?

– Думаешь, я боюсь, глупая?

– Думаю, ты не хочешь выглядеть идиотом. – Ух, я точно, как он сказал, чего-то там попутала. И осмелела. Он ведь на самом деле может позвать своих псов? И оттолкнуть меня. Но у него кровь! Я не могу его просто оставить.

– Делай, – внезапно говорит Клим, а я теряюсь.

– Что?

– Ты точно тугая. Ты сказала, что надо повязку.

– Да, но у меня ничего нет.

– Пошли.

Он разворачивается, хватая меня под локоть и тащит куда-то, точно не ко входу в дом.

– Куда мы идем?

– Много вопросов, кудряшка.

– Это не кудри, это локоны.

– Поебать.

– Не выражайся!

– Слушай, ты... – Он резко тянет меня на себя, и я вскрикиваю, впечатываясь в мощный торс. – Это мой дом, моя территория и мои правила! И я буду выражаться тут как хочу, поняла? Не нравится? Чемодан, вокзал, Зажопинск.

– То, что это твой дом, не дает тебе права материться при мне!

– Заебись! А я буду. И вообще, это ты ко мне прилипла как липучка, пиявка. Мне твоя помощь на хер не сдалась. Просто

чисто по приколу. Опять же, не устраивает? Вали. Только помни, что во дворе собаки, и они натасканы нападать на чужаков.

– Я же не чужак? – Мне снова жутко, а если правда собаки нападут?

– Чужак. Ты и твоя мамаша никогда не будете тут своими. Я знаю отца. У него ни одна баба дольше года не задерживалась. Ему станет скучно, и он вас отправит обратно в ваши ебенья.

– Но с твоей матерью твой отец жил больше года.

– Сравнила мою мать и какую-то...

– Она моя мама! И она самая лучшая! Добрая и красивая!

Клим ухмыляется нагло, но, слава богу, молчит и заталкивает меня в какой-то гараж. Точно гараж, тут стоит пара мотоциклов, квадроциклы, внедорожник.

– Зачем мы сюда пришли?

– Уж точно не затем, чтобы потрахаться. Тут аптечка есть.

– А, хорошо. – Предложение про “потрахаться” я пропускаю мимо ушей. – Неси аптечку.

– Кстати, про потрахаться, может, это? Чисто по-братски, отсосешь?

– Что?

Я теряю дар речи, а этот нахал опускает руку на пах, не ту, которая поранена, другую. Боже! Он поглаживает огромный бугор, а я замираю, холодею и боюсь тронуться с места.

– Отсоси по-быстрому, а? Губки у тебя что надо. Обещаю,

что после этого сразу стану милым старшим братишкой.

– Ты... с ума сошел?

– А что тут такого?

– Ты... ты же...

– Я – что? Только не говори, что тебе родители налили в уши, типа мы с тобой теперь брат и сестра. Мы даже не сводные, если правильно понимать значение слова. Сводные – это когда один из родителей общий. Мы с тобой – никто. Просто соседи по коммуналке, типа того, поняла? Поэтому сосать у меня ты можешь абсолютно спокойно. А я могу сделать тебе шикарный куни, идет?

Мне кажется, у меня уши дымятся от его слов. Он всё это говорит, а сам спокойно достает пластиковую аптечку, ставит на стол, открывает.

– Ну что? Давай? Баш на баш? Можно сразу в позе шестьдесят девять.

– Ты дурак? Пусти меня! – Он так смотрит, что мне на самом деле становится страшно. Тут никого, даже если я начну кричать – разве кто-то поможет? Да, его отец, Кирилл, конечно, хороший человек, но если его Клим сделает что-то со мной, то на чьей стороне он будет? На стороне родного сына или на стороне чужой ему девушки?

– Пусти!

– Чего ты ломаешься, целка, что ли?

У меня подбородок дрожит, и руки.

– Да ла-адно? Еба-ать! Кому скажи – не поверят.

Что? Он еще и рассказывать об этом собрался?

– Не надо, пожалуйста...

– Что не надо, кудряшка?

– Никому говорить, – шепчу еле-еле, голову опустив.

– Да мне и не надо, у тебя на лице всё написано. Так что ты, будешь меня лечить или я истеку кровью?

– Буду. Давай руку.

Он протягивает ладонь. Кровь уже частично запеклась, но я сразу чувствую характерный металлический запах. Я знаю, что люди его не замечают, не всегда замечают, но вот такие, как я, сразу ощущают дискомфорт.

Достаю перекись, осторожно капаю на его ладонь, добавляю чуть смелее.

– Ахр-ш-ш-ш... – шипит Дементор, и я, поняв, что ему больно, делаю то, что делают всегда детям – дую на ранку. Дую, пытаюсь унять его боль.

И чувствую, как неуловимо меняется атмосфера вокруг. Что-то происходит сейчас. Происходит между нами.

Поднимаю голову и опять тону в желтом пламени его глаз.

Глава 6

Майя

Кажется, что я попала в ловушку, причем пришла сюда добровольно, о чем теперь ужасно сожалею. Чем я думала? Он готов был скормить меня собакам, издевался, а я тут играю в медсестру, заботливо дуя на его рану.

Янтарные глаза Клима заметно темнеют, зрачки расширяются, а мне не хватает воздуха. Я глотаю, глотаю его, открываю рот, но не могу набрать полные легкие, такое ощущение, что Клим своровал весь мой воздух. Украл, чтобы я не дышала, задохнулась. У него словно есть неведомая, необъяснимая власть над всеми моими чувствами и эмоциями.

И самое ужасное, что он это понимает. У него сверхъестественное чутье, как у зверя, тигра, на которого он так похож. Сделав свое дело, я отступаю на шаг, а он внимательно следит за мной, как хищник, преследующий добычу.

– Ты не кончила, кудряшка, – едко усмехается, намеренно делая оговорку, и снова протягивает мне руку. – Надо перевязать, а то инфекция попадет, или чего ты там боялась?

– Тогда сядь, – кивком указываю на небольшой диванчик в углу гаража, желая и сама на него присесть. Там нам будет удобнее, да и меня ноги совсем уже не держат.

– Окей, – лениво бросает Клим и шагает к дивану, развернувшись, плюхается на него и откидывается на спинку,

вольготно располагаясь. Широко раскидывает ноги в стороны, не давая мне ни единого шанса сесть с ним рядом. Места просто нет. – Ну что ты, кудряшка? Видишь, места на двоих нет, садись, – хлопает себя по бедру, изводя меня своими грязными намеками.

– Хватит, – не сдержавшись, пыхчу как паровоз, – ты можешь... Черт! Можешь вести себя нормально?!

– А что не так? – даже не думает помогать мне, но я и не буду подчиняться и делать так, как он хочет.

Беру стоящий рядом железный стул и не без труда подтаскиваю его, ставя напротив Клим, подхватываю аптечку.

– Какие жертвы ради меня, – отвечает он очередной издевательский комментарий, – а ты всегда так стараешься, кудряшка, или мне так повезло?

– Могу оставить тебя истекать кровью, – шиплю, порядком устав от его намеков и издевок, – хочешь?

– Я много чего хочу, – намеренно скользит взглядом по моему телу, оставляя на нем невидимые метки, – но кто же мне даст? Или дашь, сестренка? Правда, такие, как ты, заслуживают лучшего, чем холодный гараж и продавленный диван. О чем ты там мечтаешь? Дай угадаю, – щелкает пальцами, заставляя меня стать буквально малиновой от смущения, – цветы, шампанское, клубника, свечи? Так мы это быстро организуем.

– Я не собираюсь с тобой ничего такого делать! Зачем ты постоянно об этом говоришь? – психую, а слезы уже жгут

щеки, его же насмешки разъедают душу, как кислота.

Никогда! Никогда я не стала бы с таким не то что спать, даже целоваться! И тут же в меня огненной стрелой вонзается понимание, что его губы так и притягивают мое внимание. У этого мерзавца даже губы красивые. Верхняя изогнутая в форме лука, нижняя полная, а улыбка, даже такая гадкая, насмешливая, ему идет.

– Зачем говорю? – наклоняет он голову вбок и делает красноречивое движение пахом вперед, отчего бугор на его джинсах, к моему ужасу и стыду, еще сильнее увеличивается и натягивает ткань. – А зачем врать, если у меня на тебя встает?

– И при этом ты хочешь от меня избавиться, – обвиняю, продолжая прижимать к себе несчастную аптечку так сильно, что трещит пластик. – Или ты именно таким образом хочешь избавиться от меня? Чтобы сбежала сверкая пятками, потому что ты до меня домогаешься?

Сама не знаю, откуда во мне эта смелость, но, кажется, рядом с ним я просто себя уже не контролирую и не могу сдерживаться, говоря всё без прикрас.

– Домогаюсь?... – хмыкает Клим и заметно сникает, правда, в глазах продолжают гореть всполохи. – Я даже еще не начинал домогаться, кудряшка. Ладно, расслабься, кукла. А то сейчас в обморок бахнешься. А я сдохну тут рядом с тобой от потери крови, – мрачно шутит. – Валяй, – протягивает руку и невидимый белый флаг.

Я не знаю, что у него за власть надо мной, но стоит ему сказать мне расслабиться, и я действительно расслабляюсь. Как будто он держал меня связанной по рукам и ногам одним своим взглядом – а сейчас ослабил давление пут. И я могу двигаться, дышать, действовать. Сажусь на стул, открываю аптечку, беру снова перекись и начинаю аккуратно капать на его руку, а потом промокать сложенным бинтом пенящуюся алую жидкость.

– Знаешь, чтобы меня напугать, тебе не нужно пускать себе кровь, – замечаю, поглядывая на него из-под ресниц.

Ленивый хищник не выпускает меня из плена своего взгляда. Держит на привязи.

Мне неловко под этим пристальным взглядом, но я сосредоточенно заматываю рану на его руке бинтом. Щеки красные, румянец ползет по коже, вплоть до груди. Никогда я так не смущалась. Никогда не встречала таких, как Клим. Веду глазами по его бицепсу и предплечью, рассматриваю татуировки. Черные линии, штрихи, узоры.

Красиво.

Мне хочется провести по ним пальцами, коснуться горячей кожи, под которой перекачиваются литые мышцы моего сводного брата. Боже, о чем я думаю? Нельзя даже мысли о подобном допускать. Связываться с Климом Дементьевым опасно, это смерти подобно.

И вместе с тем я чувствую нереальное притяжение между нами. Напряжение осязаемое, густое, плотное, кажется,

что его можно даже потрогать. Тяжело сглатываю. Одновременно с этим дергается кадык на могучей шее Клима. И он дышит шумно, словно марафон пробежал. Неужели он тоже реагирует на меня?

Нет, нереально. Просто он – сосредоточие голых животных инстинктов и, наверное, реагирует на каждую мимо проходящую особь. А я не стала исключением.

Завязываю бинт. Всё готово. Я могу встать и уйти. Просто встать и уйти.

– И что же я должен делать, чтобы тебя напугать, а? Сестричка?

Я сначала не понимаю, о чем он, а потом понимаю! Сама же минуту назад дала ему карты в руки, глупая овечка.

– На самом деле можешь не стараться, я так-то не из пугливых. Просто причинять себе боль – глупо.

– Неужели? Это с какой стороны посмотреть, кудряшка. Вот я причинил себе боль, да? Зато теперь я сижу рядом с зачетной телочкой, которая светит своими прелестями, протяни руку, и всё можно потрогать, а еще можно сделать вот так.

Я не понимаю, что он делает, но свет в гараже гаснет, мы погружаемся во мрак, и я слышу горячий шепот Клима.

– Ну, иди сюда, кукла, я ведь правильно понял, в этом был твой план, да? Притвориться недотрогой, чтобы меня завлечь? Считай, что я весь твой, давай, ты же меня пожирала взглядом, хотела потрогать. Трогай, я разрешаю.

Говорит и, хватая меня за талию, затаскивает себе на колени.

Глава 7

Майя

От неожиданности впадаю в ступор. Что это? Что происходит? Как... как это возможно?

Я сижу в темном гараже с Климом! С тем самым Климом, которого все называют Дементор. Боже.

Я прекрасно знаю, кто такие Дементоры. Жуткие твари из вселенной “Гарри Поттера”, они высасывают у человека всю радость, всё счастье, оставляя уныние и смертельную тоску, а потом забирают и это, последнюю надежду.

Нет, конечно, ему дали такую кличку совсем не потому, что он похож на этих чудовищ, просто кто-то решил, что Дементьев и Дементор – созвучно. И да, это так.

Боже, о чем я думаю?

Я чувствую, как пальцы Клима ползут по моей ноге.

– Не делай этого, пожалуйста.

– А ты закричи. Умоляй меня остановиться!

Он специально говорит так! Специально! Знает, что я не буду кричать теперь просто назло ему. Я и не кричу. Только всхлипываю.

И даже не пытаюсь вырваться.

Я знаю, что рано или поздно эта игра ему надоест, и тогда...

Тогда Дементор меня отпустит.

Но сначала высосет всю радость.

Господи.

– Значит, ты девственница? Почему? Неужели желающих не было сорвать твою целку? Или ты специально динамила? Набивала цену, как твоя мамаша?

– Прекрати говорить плохо о маме. Ты ее совсем не знаешь.

– Зато я прекрасно знаю батю. Он та еще сволочь. Сомневаюсь, что его бы выбрала женщина с кристально чистой душой.

Он усмехается и сжимает мою ягодицу. Ауч! Это больно! И стыдно.

– Не надо так делать.

– А то что? Заплачешь?

– Мне больно.

– А мне по кайфу. Я вообще люблю причинять боль.

Это я заметила. Очень любит. Даже себе.

– Рука не болит?

– Что? – голос его почему-то хрипит.

– Порез. Я волнуюсь, есть ли у тебя прививка от столбняка? Если нет – желательно сделать.

– Да уж, по тебе точно медицина плачет. Может, ты не так уж боишься крови?

– Так уж. Я была в анатомичке, это пипец, если честно. Вонь и... в общем, меня стошнило и еще одного парня.

– Представляю зрелище.

– Меня и сейчас на тебя чуть не вывернуло, ты был в миллиметре...

– От твоей рвоты? Фу...

– Угу.

Я специально стараюсь его заговорить. Психологический прием. Тот, с кем ты болтаешь, теряет концентрацию, и можно вырваться.

Только вот Клим не теряет, похоже.

Его рука, вытянутая вдоль моей спины, ныряет в волосы, и он сгребает в охапку пряди и дергает резко вниз, отчего я выгибаюсь дугой в попытке избежать боли. Руками упираюсь ему в грудь, но оттолкнуть не получается, он еще крепче прижимает меня к себе.

– Ай! Пусти! – молю, а ему хоть бы что.

– Заговорить меня решила, кудряшка?

Черные, бездонные глаза напротив транслируют неприкрытую злость.

Почему он такой злой? Есть ли в нем хоть капля доброты?

– Почему ты мной постоянно недоволен? Что я тебе сделала? – пишу, застигнутая врасплох тем, как его энергетика поработывает меня, расплющивает, подавляет.

– Ты появилась в моем доме, твоя мать влезла в постель к моему отцу, вы обе тут чужие, – снова и снова проговаривает эту мантру, выдыхая мне в рот горячий поток воздуха.

Как так вышло, что я просто вышла погулять, а теперь буквально в миллиметре от его губ, захваченная вихрем ура-

ганных эмоций, которые никак не могу взять под контроль?

– Всё было не так! Клим, пусти, меня, пожалуйста! Ты же не можешь... Мы не должны...

– Я знаю таких, как твоя мать, – говорит, словно и не слышит меня вовсе, – только и ищут способ зацепиться в этой жизни за какой-нибудь денежный мешок.

– Мама не такая! А твой отец сам разберется, с кем ему жить... У него своя голова на плечах есть, – внушаю ему вроде бы разумные вещи, которые любой другой смог бы понять, но Клим, он верит только в то, что придумал сам.

Он на нас клеймо поставил. Охотниц за богатством. И страшно представить, что теперь будет. По коже ползут липкие, холодные щупальца страха, душу морозит от жестокого, полного злобы взгляда моего сводного брата, и всё, что я могу, это снова пытаться заговорить его.

Только бы он не пошел дальше...

– Значит, предлагаешь мне не лезть в жизнь отца? – спрашивает вкрадчивым голосом.

Я цепенею, не в силах понять, к чему он ведет, голову кружит.

– Они уже поженились, ты бы всё равно ничего не сделал.

– Не будь так уверена, кудряшка, – продолжая ерошить мои волосы, ерзает подо мной, вызывая странное тягучее томление внизу живота.

Это страх – это должен быть страх, ведь я не могу реагировать на близость Клим.

– Ты же не причинишь моей маме вреда?

– А что? Так боишься за мамочку? А за себя? – хрипит мне уже в рот, внезапно вонзаясь зубами мне в нижнюю губу, и тянет ее на себя. Этот щипок длится секунду, но по мне прокатывается огненная волна, окуная меня в постыдный жар.

– Что ты... – всхлипываю, безвольно дрожа, не зная, что мне делать.

В своих мыслях я давно его оттолкнула и сбежала, но по факту позволяю управлять собой, как марионеткой.

– За кого ты боишься больше? За себя или за свою драгоценную мамочку? – спрашивает, и я, не зная почему, смотрю на его влажные губы.

Мысли сплетаются и путаются, как моток ниток, который невозможно привести в порядок. Но я должна прийти в себя – ведь Клим ждет четкого ответа.

– Зачем ты спрашиваешь?

– Всё просто, кудряшка. Либо я причиняю вред ей, либо тебе. Выбирай.

Глава 8

Майя

Глаза привыкли к темноте, и, так как мы близко, я могу разглядеть его лицо. Кожа у него гладкая, глаза горят огнем.

Я понимаю, за что он нас ненавидит, точнее, могу понять.

Он был единственным сыном, наверняка мечтал, что его родители сойдутся, а тут как снег на голову новая жена, да еще и я в придачу. Мы пришли и заняли слишком много места в жизни его отца. Но мы не заняли его место!

Уверена, дядя Кирилл любит Клима. Он же гордился им. Он рассказывал о нем как о гении!

И вот теперь этот злой гений вернулся и хочет испортить нам жизнь.

Хочет сделать так, чтобы моя мама и его отец расстались.

Вот только... Я знаю, что этого не будет! Уверена!

Потому что слышала, как его отец говорит с мамой, каждое слово. Он очень нежен, деликатен. Он так признавался ей в своих чувствах!

Кирилл и со мной говорил тоже! До сих пор помню то, что он мне сказал.

— Знаешь, девочка, никогда ни к кому не чувствовал ничего подобного. Это что-то новое для меня. И что-то очень настоящее. Никому так не верил, как твоей маме. Никого так не любил. Она для меня — не просто женщина, с которой я

хочу прожить жизнь. Она для меня и есть эта жизнь.

Да! Он говорил это мне перед их свадьбой.

Не думаю, что что-то заставит его поменять мнение. Не думаю, что какая-то подлая выходка его сына способна им навредить.

И все-таки... Пусть лучше это буду я.

Пусть пытается причинить боль мне.

Не маме!

Я смогу вынести это. Я должна.

Это с виду я мягкий цветочек, нежная кудряшка. Но у меня тоже есть стержень внутри.

Меня не так просто сломать.

Пусть попробует.

Чувствую его дыхание. Аромат. Он вкусно пахнет, терпкий одеколон и мускусный запах тела, у меня голову ведет, и почему-то хочется приникнуть ближе и подышать им.

Это ужасно, наверное?

Он ужасный.

Я думала, что он будет если не дружелюбным, то хотя бы нейтральным ко мне, к нам, но эта агрессия. За что? Я ведь не претендую на его место? На его отца, на их дом, на наследство. Бред думать так.

Так почему же он...

– Чего замолчала, кудрявая? – хриплый голос Дементора врывается в мои мысли. – Всё в порядке? Или ты от страха потеряла дар речи? Только не описайся, это будет кринж.

Хотя, если это будет сквирт, я не против.

Словно “кринж” я знаю, а “сквирт” – нет, но уверена, это что-то нехорошее и стыдное.

Всё равно не дам ему довести меня, буду держаться.

– Почему ты считаешь, что я тебя боюсь?

Говорю, а сама продолжаю подрагивать, сердце работает с перебоями, и шум какой-то в ушах.

Должна ли я на самом деле его бояться? Ну не изнасилует же он меня тут, в гараже?

А то, что он делает сейчас... Я в его руках. Его губы касались моих губ. Его руки... На самом деле, если бы он хотел меня унижить, давно бы сделал это.

Кажется, он пока проверяет мои границы.

Почему-то мои способности к психоанализу рядом с ним меркнут, стираются.

– Ты меня боишься, потому что должна бояться. Потому что ты сейчас в моей власти.

– Нет, – отвечаю спокойно, – это не так. Ты ничего плохого мне не сделаешь.

– Проверим?

Ох, кажется, я зря дергала этого тигра за усы, он резко сбрасывает меня с себя, переворачивая и укладывая на диван. Я дезориентирована, ничего теперь не вижу, только чувствую.

Чувствую, как его руки ползут под мою юбку.

Боже...

– Нет... Не делай этого, пожалуйста.

– А ты помешай мне. Или убеди меня, почему я не должен этого делать.

– Ты... не хочешь меня трогать... – шепчу, с ужасом понимая, что его руки ползут выше.

– Почему это я не хочу?

– Потому. Я ведь дочь твоей мачехи, так? Зачем тебе ласкать дочь этой ужасной женщины?

Слышу его тихий гортанный смех.

– Дурочка, да мне насрать, чья ты дочь, если я захочу тебе вдуть, мне реально будет по фаренгейту.

– Не надо, ну пожалуйста...

Его пальцы уже в опасной близости к самому сокровенному. А меня снова трясет от страха.

– Пожалуйста... Ты же не насильник, не мерзавец, ну не надо.

– Попроси получше, кролик.

– Пожалуйста... Клим...

– Ответ неверный. Я не разрешал тебе называть меня по имени, не смей этого делать.

Его руки выше, пальцы уже почти на промежности, я с ужасом понимаю, что у меня там жарко и мокро, и не от пота. Это то странное, что происходит со мной впервые. Я впервые ощущаю себя так. И не понимаю, что со мной. Я должна его бояться, реально, должна сходить с ума от страха. Я и схожу с ума, но как-то по-другому.

– Что заткнулась? Ну, давай, проси... проси, чтобы я тебя отпустил, чтобы не трогал? Чтобы не понял, что ты течешь как сучка, проси...

Эти его слова будто срывают предохранители, инстинкты самосохранения уже не работают, мне больно, но не потому, что он держит и трогает. Больно оттого, что он говорит. Я начинаю биться в его руках, пытаюсь достать его своими маленькими кулачками, выгибаюсь, ногами дрыгаю, задыхаюсь, но пытаюсь кричать, хотя тут же чувствую на своих губах его ладонь, ту самую, которую я перевязала несколько минут назад.

– Покричать захотела, да? Сучка мелкая, давай, ори... так веселее.

– Что тут происходит? – грозный рык Кирилла бьет по ушам, а яркий свет режет глаза.

Кажется, я спасена. Только почему же так нереально стыдно?

Глава 9

Майя

Вскакиваю с дивана и начинаю судорожно поправлять на себе одежду, щеки горят, руки и ноги не двигаются, и я просто не знаю, куда деть глаза, потому что смотреть на отчима нереально стыдно! Невыносимо просто!

Даже не представляю, что он обо мне теперь будет думать. Еще и маме наверняка расскажет. Ужас!

– Я спрашиваю еще раз, что происходит! – по гаражу прокатывается громоподобный бас Кирилла, я снова вздрагиваю, взгляд мечется в сторону выхода, куда так хочется юркнуть, чтобы бежать без оглядки.

– Я... – закусываю дрожащую губу, принимаясь что-то лопотать, но собрать мысли в кучу практически невозможно – мой мозг из-за проклятого сводного превратился в желе, он отказывается работать, а Клим, усевшись на диван, ничуть не помогает.

– Пап, тебе про пестики и тычинки рассказать? – лениво усмехается сводный, ничуть не стесняясь отца.

За то время, что мы провели вместе, я побывала в аду, а этот наглый Дементор – ему, конечно же, хоть бы что! Потому что преисподняя – его истинный ареал проживания! Ему комфортно, когда другие смущаются, мучаются, находятся в его власти. Он питается чужими негативными эмоциями, и

от этого кайфует. И сейчас он наслаждается тем, как подставил меня, выставив перед отчимом в плохом свете.

Ему всё равно, что отец о нас подумает. Ему на всё плевать.

– Клим, ты опять? – цедит сквозь зубы Кирилл, и от него веет напряжением. – Майя, ты в порядке?

Когда он обращается ко мне, голос меняется, становится мягче.

– Он ничего тебе не сделал? – он оглядывает меня на предмет повреждений, но потом возвращает взгляд к сыну, замечая его перебинтованную руку. – Что это? Почему у тебя кровь?

Этот вопрос помогает мне выбраться на поверхность из темного омута, куда меня с головой погрузил проклятый сводный. Поворачиваюсь к Климу, видя, что он поднимает руку с таким видом, словно она чужая, не принадлежит ему и никакой боли он не чувствует.

Хотя я реально вижу кровь, проступающую всё сильнее!

Не могу сдержать вскрик, закрываю ладошкой рот.

Он вообще человек? Ему совсем не больно?

– Это ерунда, – закатывает глаза мой сводный, усмехнувшись и покачав головой, едва взглянув на руку, он только крепче сжимает пальцы.

А я совсем некстати думаю о том, что эти пальцы меня ласкали, и снова предательски краснею, отступая на шаг и пропуская отца ближе к сыну.

– Не похоже на ерунду. – Кирилл переключается на рану сына, отвлекаясь от вопроса о том, чем мы тут занимались.
– Нужно нормально перевязать.

– Перевязать, и прививку от столбняка, – тихо замечаю я, хлопая ресницами.

– Что за ху...

– Не выражайся при девочке! – осаживает Клима отец, потом поворачивается ко мне. – Ты точно в порядке?

Я киваю.

– Хорошо, – отвечает рассеянно Кирилл, а я вздыхаю с облегчением, а потом, выдохнув, несмело спрашиваю:

– Можно я пойду?

Отчим смотрит на меня с удивлением, мол, что за странный вопрос?

– Конечно, Майя, иди. Если что-то будет нужно, обращайся. – Так он как будто дает мне понять, что я могу пожаловаться на Клима, если тот меня обидел.

Но на что конкретно я могу пожаловаться?

На то, что он меня лапал? Оскорблял? Угрожал? Унижал?

Горячая волна по телу прокатывается, я иду к двери, но отчим всё же меня тормозит и говорит тихо:

– Детка, думаю, будет лучше, если твоя мама не узнает, что ты была тут с моим сыном, да? Не нужно ее волновать понапрасну.

Киваю, сглатывая.

– Да, конечно, я не скажу, и... ничего не было, мы просто

сидели.

– И еще... постарайся больше вот так с Климом не сидеть, для твоего же блага.

Он говорит это совсем тихо, а я так жутко краснею! Стыд просто топит, никаких сил нет.

Надо скорее бежать отсюда, бежать!

Конечно, я могла бы рассказать Кириллу, почему я тут оказалась и что делал Клим, только... зачем?

Когда имеешь дело с подобными Климу, надо понимать правила игры.

Если я пожалуюсь – будет хуже.

Надо просто держаться от него подальше, что я и делаю, прошмыгнув мимо отчима и убежав к себе. Когда бегу до дома, даже не вспоминаю о собаках. К счастью, их и не видно. Я вообще никого не встречаю, и хорошо!

Маме врать тоже не пришлось!

Эту ночь я долго не могу уснуть, всё ворочаюсь, вспоминаю, перебираю воспоминания о случившемся в гараже. Они обрывочные, как фрагменты яркого клипа – какие-то тонут во мраке, какие-то, наоборот, слишком остро врезаются в сознание.

Клима слишком много в моих мыслях! Он забрался под кожу, заполнил меня собой, я чувствую его запах, фантомные касания, мое тело вибрирует, как натянутая струна.

Никогда ничего такого не чувствовала!

Мне даже страшно, потому что кажется, будто я больше

собой не владею, что это какая-то магия, потусторонняя сила.

Что он реально существо, а не человек, темное, высасывающее жизнь существо.

Мне беспокойно в своей постели, я жду подвоха, удара из-за угла.

И не знаю, долго ли смогу так продержаться.

Не представляю, сколько проходит времени, встаю, мне не хватает воздуха.

Хорошо, что в моей спальне есть небольшой балкон.

Открываю дверь, хочу вздохнуть и замираю...

Я слышу голос. Тихий, низкий голос и перебор струн. Я не узнаю сразу эту песню, но поет он на английском, вслушиваясь, пытаюсь разобрать. Кажется, я ее слышала, точно слышала! Мама и Кирилл включали. Кирилл любит старинный рок, старинный для меня, песни написаны, наверное, тогда, когда еще моей мамы в проекте не было.

Точно, я вспоминаю. Он начинает петь громче, и я узнаю. Это “Дом, где солнце встает”. Кирилл о ней рассказывал, это старинная песня, которую любили перепевать музыканты. Красивая, она мне нравится. Поет Клим очень красиво. Хоть и тихо, еле слышно. Но мне достаточно.

Достаточно, чтобы почувствовать, как горят щеки. Горит тело. Снова вспомнить о его пальцах на этом теле. Его дыхание, то, как он прижимал меня, как трогал.

Что было бы, если бы его отец не пришел в гараж?

Как далеко тогда зашел бы сам Клим?

Боже, о чем я только думаю!

Неожиданно хлопает створка окна. Пение прерывается.

Я едва дышу. Всё внутри плавится от неясного чувства, непонятное томление меня мучает.

Зачем я только встала! Теперь совсем не усну!

Думаю так, но как только голова касается подушки – сон накрывает.

Правда, во сне ко мне снова приходит он. Дементор.

Касается моего лица, усмехается, его губы так близко. Он что-то шепчет, потом поет, и трогает, трогает там, где нельзя. Там, где хотел трогать.

Но во сне мне хорошо. И совсем не страшно.

Только очень хочется чего-то, сама не знаю чего?

Страсти? Секса?

Любви?..

Глава 10

Майя

Просыпаюсь, как ни странно, отдохнувшей.

Наутро всё вообще кажется не таким страшным. Терпимым.

Подумаешь, новоиспеченный братец полапал меня в гараже? Я просто скажу ему, что больше такого не допущу, вот и всё! Или вообще не буду с ним разговаривать. Или это невежливо? И у мамы будут вопросы?

Еще подмывает спросить, где он научился играть на гитаре и петь.

Решаю действовать по обстоятельствам. Увижу его – буду думать, что делать.

Узнаю за завтраком у мамы, что Кирилл возил Клима в травмпункт на перевязку, и прививку от столбняка сделали. Только вот версия, откуда взялась рана на руке, не соответствует правде. Мама сетует, что Клим вечером пошел в гараж – один! – и там порезался о какую-то железку.

– Кирилл сказал, что Клим хотел посмотреть на свой байк, но свет погас, и он поранился.

Да, свет действительно погас.

Вспоминаю, что было потом, и меня неожиданно охватывает какое-то странное состояние. Кости словно плавятся, и внизу живота становится горячо. И в голове всплывают об-

разы из сна.

Только этого мне не хватает.

– Ох, я сказала Кириллу, что байк – страшная вещь, столько аварий, не дай бог. Но он говорит, что Клим прошел хорошую школу, и вообще, участвовал в соревнованиях. Я тебя прошу, Майя, пожалуйста, если он позовет тебя кататься – не соглашайся ни за что! Я как-то в юности села на байк... Потом месяц в больнице провалялась с ушибами, хорошо еще ничего не сломала.

Ого! Мама об этом не рассказывала, вот это новости!

А байк... Да, видела там байк, он стоял накрытый специальным чехлом, я это точно помню.

Я еще мельком подумала – ну и зверь. Прямо под стать своему хозяину.

– Так что никаких байков, Майя, – сообщает мама, намазывая на бутерброд икру. – Надеюсь, и с Климом тоже всё будет в порядке.

– Надеюсь, – бормочу, только аппетита у меня нет.

Из огромной белой столовой видна лестница наверх, на второй этаж, где располагается комната брата, я тоже живу на втором, а вот мама и Кирилл на первом, там же находится кабинет отчима.

Сегодня он уехал в офис, а мы с мамой завтракаем вдвоем, только слуги вокруг крутятся, подают еду, что пока жутко непривычно.

– А ты чем занималась вчера? – интересуется мама, не

замечая моего состояния. Я пожимаю плечами.

– Ничем. Пошла спать, – краснею, надеюсь, мама не замечает.

– К первому сентября готовишься? Что еще тебе нужно купить?

К моей радости, мама переключается на тему подготовки к учебе, которая наступит совсем скоро.

Лето заканчивается, и скоро мне придется ходить в один университет с Климом.

Боюсь этого до колик в животе!

Вообще дико боюсь новой встречи с Дементором.

И в то же время... Мне любопытно, где он? Куда пропал? Для кого он пел в ночи?

Первые дни мне по дому даже ходить страшно. Я понимаю, что рискую наткнуться на него, готовлю себя к этой встрече, даже репетирую перед зеркалом безразличный, пресыщенный вид.

Но, на удивление, я вообще не встречаю своего новоиспеченного братца. Спрашивать, где он шляется, почему-то неловко. К тому же Кирилл ведет себя вежливо, отстраненно, не лезет с вопросами, только смотрит иногда задумчиво.

Несколько дней Клим ни разу не присоединяется к нам за столом. И песен я больше не слышу.

Начинаю понимать, что, скорее всего, он просто не живет в этом доме. А я, глупая овечка, которая сразу не догадалась – сын хозяина, вероятно, посчитал ниже своего достоинства

находиться в одном пространстве с новой женой и ее дочкой.

Что ж...

Не очень-то и хотелось.

Вру сама себе.

За эти дни я только и думаю, что о нем. Просматриваю странички в соцсетях, ищу хоть какие-то новые фотки. Не знаю, почему он вдруг стал так важен, почему начал занимать все мои мысли, ведь еще каких-то несколько недель назад я не знала этого человека.

И вроде радоваться надо, что он уехал из дома, оставил меня в покое и не третирует, а я всё равно продолжаю думать о нем.

Так постепенно проходит неделя, скоро Первое сентября.

Я ужасно волнуюсь перед походом в университет. Боюсь встречи с Дементором, но выбирать мне не приходится.

Чтобы отвлечься, решаю встретиться с подружкой, звоню ей, она зовет в ТЦ, говорит, что погуляем, посидим на фуд-корте, ей нужна помощь в выборе наряда, и я с готовностью соглашаюсь помочь.

Мы с мамой уже всё купили. Она повела меня в модный бутик, сказав, что дочке, пусть и приемной, Кирилла Дементьева негоже одеваться на маркетплейсах. Мама, конечно, сама так не думала и ничего против обычной одежды не имела, но стала слишком переживать из-за того, что теперь и ее, и меня будут оценивать совсем иначе.

Это раньше мы были самые простые люди, медсестра и

ее дочь. А теперь мама – жена миллионера, ну и я не могу ударить в грязь лицом.

Мы накупили мне кучу всего нового, одежду и обувь. Мама расплачивалась карточкой Кирилла и советовала не смотреть на суммы.

Я и не смотрела, зачем лишний раз нервничать? Я и так знаю, что цены в магазинах, куда мы теперь ходим, кусаются и похожи на телефонные номера.

– Одежда – это всего лишь одежда, Майя, думай о гораздо более важных вещах, – убеждала меня мама тогда, складывая вещи у кассы в бумажные пакеты. – Учеба – вот что важно. Ты должна много времени уделять учебе и получить хорошее образование и потом профессию, чтобы ни от кого не зависеть, особенно от мужчин. Да, я люблю Кирилла, но я знаю, что такое предательство, и что очень важно удержаться на плаву, когда ты остаешься одна.

Прозвучало это очень печально, и я не стала комментировать, но поняла, что должна не подвести маму и себя и хорошо учиться.

Но до учебы еще осталась пара дней свободы, и меня никто не заставляет сидеть дома.

Надеваю новый костюм – шорты и короткую курточку, тонкие колготки, потому что у нас город не южный и к концу августа жары уже нет, на ноги легкие кроссовки. Еще решаю накрутить волосы – репетиция прически на первое, чтобы показать подруге.

– Котенок, ты куда?

– Мамуль, с Кирой в торговый центр, помогу ей выбрать наряд на Первое сентября.

– Водитель тебя отвезет и подождет. Сейчас я ему наберу.

– Хорошо. – Кто же будет отказываться от машины? Хотя от коттеджного поселка, в котором мы теперь живем, до города ходит маршрутка и останавливается как раз у ТЦ.

Поход с Кирухой по магазинам то еще удовольствие. Она не капризная, но у нее отличный вкус – особенно если учесть, что раньше она была толстой, а теперь ее фигурке позавидует любая. У нее красивая грудь, тонкая талия и широкие бедра, парни по Кире с ума сходят, а она просто дружит с ботаником Митей и не обращает внимания на других.

– Я еще встречу своего принца, пока вокруг одни тюлени и гремлины.

Наконец мы выбрали ей классный костюм и еще офигенное красное платье. Я бы хотела такое же, но не с моими формами, которые скромнее, чем у подруги.

Я рассказала и показала Кире, в чем буду. Она всё оценила, в том числе и мою новую прическу – красиво уложенные выющиеся локоны.

Выходим из бутика, Кира направляется прямиком к фуд-кورتу, у меня тоже уже урчит в животе, на подходе вижу компанию. Пара наших одноклассников и незнакомые парни. Нас замечают, мы подходим. Кира начинает общаться, рассказывая новости, а я почему-то чувствую скованность.

Не могу понять причину.

Поворачиваю голову и замираю.

Прямо к нам идет Клим! Он выглядит как-то... драматично – так сказала бы Кира. Черная футболка, черные джинсы, модная черная мантия – это такой длинный кардиган с капюшоном, я видела такие на разных сайтах одежды, не все парни рискуют такое носить. А он – может. Волосы в творческом беспорядке. Но не это меня цепляет, а то, что он с девушкой. Обнимает яркую брюнетку с пышным бюстом – его рука лежит у нее ниже талии, очень смело.

– Хай, Дементор! – приветствует его один из ребят, стоящих с нами.

– Привет, бро, – говорит другой.

Клим смотрит сквозь полуопущенные веки, не меняет выражения лица, кивает, подходя ближе. Я смотрю во все глаза, не сразу понимая, что мой интерес могут заметить. Что мне делать? Поздороваться или молчать?

Совсем некстати вспоминаю его губы, так близко, его пальцы на моих бедрах, его глаза, и дыхание... Боже, нет, нет! Я не должна думать об этом. Нет!

Но поздно, живот уже предательски сводит, и я чувствую, как краснеют кончики ушей.

Жесть.

Кира меня толкает легонько и шепчет.

– Ты чего?

А я чего! Именно ЧЕГО! Я стою и как овца пялюсь на

этого наглеца. А он даже не глядит в мою сторону.

Вот же гад! А потом скажет, что я его проигнорила!

– Привет, Клим, – говорю тихо, когда он подходит ближе.

А он никак не реагирует! Не отвечает и даже не смотрит!

Словно он звезда, а я одна из толпы фанаток.

Придурок.

Не знаю, что на меня находит, но я неожиданно взбрыкиваю.

– Эй, я поздоровалась! Невежливо не отвечать на приветствие!

Чувствую, как меняется атмосфера вокруг. Все словно отступают назад, оставляя меня один на один с этим мажором.

– Невежливо здороваться с тем, кто не хочет тебе отвечать, поняла? Я не общаюсь с ноунеймами.

Мое лицо горит, я открываю рот, чтобы ответить, но его ледяной взгляд меня останавливает.

– Лучше закрой его сразу, пудель, – говорит он и проходит мимо, продолжая нагло лапать за задницу свою спутницу.

Козел... Черт!

– Пудель, прикольно!

– У нас в группе теперь будет учиться хорошенький пудель, – ржут парни, словно стараясь показать Дементору, которому на них плевать, что им зашла его шутка.

– Такую кудряшку я бы да!

– Идите вы! – выпаливаю и резко бегу прочь. Сгораю со стыда!

Зачем я с ним заговорила? Зачем вообще на него посмотрела? И зачем убежала?

– Блин, Майка, ты чего? – догоняет меня Кира. – На фига ты ему привет сказала? Это же Дементор? Он отморозок! Откуда ты вообще его знаешь?

– Вообще-то, он мой сводный!

– Ка-а-пец! Да ты гонишь!

Глава 11

Майя

Кира сначала выпучивает глаза, а потом кривит рот.

– Ничего себе новости! Могла бы и рассказать лучшей подруге, что Клим Дементьев каким-то волшебным образом стал твоим братом. Если это, конечно, правда.

– Думаешь, я шучу? Хотела бы я, чтобы это было неправдой, – вздыхаю, помрачнев, – не обижайся, Кирюш, я сама пока не могу осознать, что он мой брат, и узнала тоже недавно. Ты же в курсе, что моя мама вышла замуж...

Конечно, я говорила Кире, что моя мама вышла замуж, и даже говорила, за кого, подруга тогда была в шоке, конечно, ну, собственно, как и я...

– Ох, ничего себе новости! Так, значит, ты теперь дочь олигарха? А с вами посидеть можно, госпожа Дементьева?

– Да ну тебя, Кир, я не стала менять фамилию. Зачем? Он не удочерил меня, я уже взрослая.

Тогда, когда Кира узнала о том, что я теперь буду жить в особняке Дементьева, мы как-то не обсуждали то, что у моего отчима, оказывается, есть сын.

А теперь...

– Получается, Дементор – сын твоего отчима? Вот это новости, почему я не знала?

Пожимаю плечами, откуда мне знать, почему Кира не зна-

ла? Может, потому, что она не следила за новостями о моем сводном в интернете, как это делаю я? Не должна, а делаю...

– Значит, вот какого братца ты приобрела. Рассказывай, давай! Как он? Вы общаетесь? А он с вами в одном доме живет? А он дома такой же мрачный? Блин, я не могу поверить!

Кира тараторит, что, в общем-то, ей несвойственно, но сейчас я ее понимаю. Все, кто поступает в наш универ, прекрасно знают про группу мажоров во главе с сыном губернатора Началовым, о котором тоже ходят легенды. Началов – Нахал, он перевелся откуда-то из-за границы вроде бы только в конце прошлого года, сдал сессию, а потом швырял деньги бедным студентам.

В его компашке некто Гур – о нем я мало что знаю, только то, что он собирает самые крутые вечеринки, на которых все мечтают попасть. Фамилия вроде Гурьев, его отец тоже какой-то чиновник и бизнесмен. И третий – мой Дементор. Ну, то есть не мой, конечно...

– Майка, не молчи, ну? Интересно же!

Мы сели в кафе, подальше от фудкорта, я всё еще красная, щеки горят после встречи с Климом.

Подруга постепенно выпытывает у меня все подробности, только об одном я молчу – о том, что случилось между нами в гараже.

Не знаю почему, но говорить мне об этом реально сложно, до кома в горле, до дрожащих рук, до колотящегося, как буйная птица в клетке, сердца.

Это что-то только мое, личное, тайное. Я не готова делиться этими подробностями.

И вообще, не готова делиться.

А еще... Я не знаю, как держусь, но мне так хочется разреваться от обиды.

За то, что проигнорировал.

За то, что был с другой девушкой, обнимал ее, лапал.

За то, что назвал пуделем. Я так старалась, завивала кудри по видеоуроку, мне показалось, что выгляжу прилично, модно, а он...

Да! Лучше бы его не было в моей жизни!

– Он, конечно, красавчик... – томно тянет Кира. Еще не хватало, чтобы подруга положила на него глаз!

– Красавчик? Он мерзкий придурок, конченный! Он меня, вообще-то, пуделем назвал!

– Майка, не сердись, но кудри у тебя сегодня реально...

– Что? И ты туда же? Ну, спасибо, подруга! – встаю, чтобы уйти, но Кира хватает меня за руку.

– Да сядь ты, успокойся, ну, обозвал он тебя, и что? Зато... Знаешь, как он на тебя смотрел?

– Как? – Лично мне казалось, что как на пустое место.

– Как будто хочет сожрать! Правда! Слушай... Это же так прикольно...

– Что прикольно? Стать пуделем еще до того, как начала учиться в универе? – Реально хочется разреваться, не дай бог, это прозвище запомнят, я же провалюсь сквозь землю!

– Прикольные все эти романы между сводными!

– Что? – офигевая, смотрю на Киру.

– То! Вы живете вместе, учитесь вместе, вы не родные по крови, он красавчик, ты шикарная – вам просто сам бог велел стать сладкой парочкой! М-м-м, это будет та-ак интересно!

Мне хочется ее прибить!

А с другой стороны...

Мне хотелось бы, чтобы Клим смотрел на меня так, как говорит Кира. Вот бы он смотрел, а я бы его динамила! Точно! Вот так бы надо было сделать!

И вообще, влюбить в себя этого мрачного, наглого типа и продинамить!

Только я не такая, не смогу я так.

Домой возвращаюсь поздно – мы решили еще сходить в кино, водитель меня ждал.

Тридцать первого августа я вся на взводе, в предвкушении. Мама решает сама приготовить праздничный ужин, гордится, что я буду учиться в универе, да еще и на бюджете. Да, да, поступила я без протекции отчима, сдала ЕГЭ на отлично.

Ужинаем втроем, Клим нет. Я выяснила, что живет он в городской квартире и с Кириллом у них контры. Мне жаль отчима, я знаю, как он любит сына, как ждал, что тот вернется из Америки, где жил с матерью, как хотел быть рядом.

Может, мне как-то удастся убедить Дементора быть по-

мягче с отцом? Всё-таки я будущий психолог. Думаю об этом и сама ругаю себя за такие мысли – с чего я решила, что Клим будет со мной говорить, слушать? Он сказал, кто я для него. Ноунейм. Пудель...

Как же хочется ударить его по его холеному лицу! Чтобы не смел обзывать девочек!

А еще хочется услышать, как он поет.

И увидеть его.

Что со мной? Я схожу с ума? Дурочка, глупая овечка.

Ложусь спать. Завтра важный день. Первое сентября.

И завтра я увижу Клим Дементьева...

В мысли врывается вибрация телефона.

Взяв его, вижу СМС с незнакомого номера, читаю... и сердце обмирает.

“Придешь в универ завтра, пожалеешь, пудель...”

Глава 12

Майя

Он думал меня напугать? У него получилось. Да, я чувствую себя нехорошо. Мне страшно.

Трясет.

Что он мне может сделать? Да что угодно! Хотя бы обозвать опять пуделем при всех! Или ноунеймом – тоже приятного мало.

Что он себе возомнил? Зачем он это делает? Я ведь его не трогала. И вообще, разве я виновата, что моя мама и его отец...

И вообще, он не боится, что я пойду жаловаться его папе? Я могу! Очень даже могу!

И не иду.

Мне стыдно.

Не хочу никому причинять хлопот.

Постараюсь завтра просто не отвечать.

Я думала, что первое сентября в универе будет самым счастливым днем, а сейчас у меня ноги подкашиваются, колени ватными становятся, и подташнивает, как только я подумаю о том, что мне предстоит.

Зачем Клим так написал?

За что?

Почему он такой грубый и черствый?

Ну да, он же Дементор. Не зря его так прозвали.

Полночи уснуть не могу.

Встаю, иду на балкончик. Мне снова чудится перебор гитары и голос, низкий, такой тягучий, заставляющий сердце трепетать.

Это всего лишь галлюцинация. Клима тут нет, и петь никому.

Ложусь и считаю овечек. Раз, два, три... сто... сто тридцать... я овечка, такая вот безмолвная и трусливая.

Решаю, что не буду накручивать волосы, выпрямлю.

С этой мыслью проваливаюсь в сон.

Просыпаюсь резко. Еще ночь. Не сразу понимаю, что произошло, а когда понимаю – меня бросает в жар. Я занималась сексом во сне!

Не просто занималась сексом, занималась сексом с Климом!

Боже!

Там в гараже. В темноте. Я уже привыкла к ней, и я видела его лицо, полные изогнутые губы, влажные от моих поцелуев, горящие огнем глаза и капельки пота на висках. И его тело... Сильное, обжигающее, он прижимал меня к себе и двигался, быстро, страстно, глубоко. И его чувственный голос повторял мне:

– Ты охрененная, сладкая, жаркая, хочу тебя, тащусь от тебя, хочу твои губы, поцелуй, язык, всю тебя, хочу кончать на твою кожу, хочу любить...

Мамочки мои... Это было... Я словно сгорала в этом его огне. Страстном, пылающем и диком. И мне было хорошо.

Боже... Понимаю, что я вся мокрая. Не просто потная, моя пижама, шорты, они... Там, между, ног всё плывет. Осторожно протягиваю руку, дотрагиваюсь – всё словно воспалено, опухло от желания. От того, что я увидела.

Нет, это ужасно! Просто ужасно. Мне не может ЭТО нравиться!

Клим, он такой... гадкий! Бесцеремонный. Беспринципный. Наглый. Отвратительный. Невоспитанный. Злой.

Он назвал меня пуделем.

Пообещал, что завтра мне будет плохо.

Среди ночи иду в душ. Сначала смываю всю влагу, потом пытаюсь охладиться, потом согреться. Ложусь обратно в четвертом часу, почему-то вспоминая, что это час быка, самое дурное время суток.

А завтра первое сентября! Мой счастливый день!

Как ни странно, я просыпаюсь бодрой, в хорошем настроении. Сама его себе создаю, говоря, что сегодня мой день и никто мне его не испортит. Да, так и будет!

Сегодня первый и очень важный день. Я должна понравиться своим одноклассникам. Первое впечатление самое важное. Надеюсь, так и будет.

Я буду выглядеть так, что никто не вспомнит про пуделя!

Хотя, вопреки вчерашнему желанию, я все-таки накручиваю локоны, просто не такие, как были, более мягкие и круп-

ные.

На пуделя я точно не похожа!

Мама заходит в комнату, чтобы меня проводить. Она позавтракала ранним утром и ушла купаться в бассейне и теперь вот зашла в мою комнату. Я в это время уже докрашиваю ресницы.

– Майчонок, как ты? Волнуешься?

– Привет, мамуль, есть немного, – говорю как есть, от мамы ничего не скроешь.

– Всё будет в порядке. Ты меня такая красивая и такая уже взрослая! – подбадривает меня, подходя и поправляя завитые волосы. – Что наденешь? – спрашивает она и вскоре видит платье, которое я подобрала для Первого сентября.

Выглаженное домработницей, оно висит на вешалке, я киваю на него, мама подходит и рассматривает его.

Удобное черное платье из тонкой гладкой ткани, с летящим подолом, свободными рукавами, отороченное белыми кружевами. Оно чем-то напоминает школьную форму. Шикарный воротник, красивый крой. Правда, довольно короткое, но под него я надену шортики – так будет совсем хорошо.

Мама выходит, говорит, что будет ждать меня в столовой. Одеваюсь.

Кружусь возле зеркала и уже хочу выйти из комнаты, как вдруг, ведомая странным, непонятным порывом, возвращаюсь к шкафу и открываю дверцу. Достая толстые плотные

колготки и переодеваюсь, меняю тонкий капрон на плотный деним. И сверху натягиваю черные шорты.

Нельзя быть до конца уверенной, что мне на пути не попадется сводный брат, которому ничего не стоит задрать мою юбку...

Почему-то мысль об этом заставляет низ живота вибрировать, вспоминаю сон.

О, нет, это ужасно! Мне нельзя!

Останавливаю себя, выдыхаю, продолжая собираться.

Платье – топчик, но в нем одном будет прохладно.

Сверху накидываю черную кожаную куртку, беру небольшой фирменный рюкзачок, в который уже сложила блокноты, тетрадки и пенал с ручками, кручусь перед зеркалом, решая, выбрать романтический вид и надеть черные балетки или придать образу агрессивности, подобрав себе ботинки на рифленой подошве.

Выбираю второе, потому что, хоть на улице и не холодно, но уже и не лето, чтобы ходить в балетках.

Спускаюсь к завтраку, получая одобрителный мамин взгляд и улыбку отчима.

– Красотка, доброе утро, волнуешься?

– Немного, Кирилл Дмитриевич.

– Это нормально, всегда так, когда что-то в первый раз, – он усмехается, а я краснею.

Почему-то подумалось про совсем другой первый раз.

– Садись, завтракай, мама твоя расстаралась сегодня, сама

твои любимые блинчики и вафли напекла. Да, увидишь там моего Клим, передай...

Я замираю – как я могу ему что-то передать, если он...

– Кир, давай лучше она не будет подходить к Климу? Ма-
ло ли?

– Да, ты права, дорогая. Лучше держаться подальше. И
смотри, если будут какие-то проблемы – сразу говори мне.
И не считай, что это стукачество!

Конечно же, я так и считаю! И доносить не намерена. Если
только не будет совсем плохо.

Завтракаю, время уже поджигает. Мама провожает меня
до машины – водитель отчима меня отвезет.

Целую мамочку на прощание, обнимаю отчима.

Господи, только бы всё прошло хорошо!

Но, конечно, моим мечтам не суждено сбыться...

Глава 13

Майя

– Майка! Ты просто бомбезная! – кружит меня Кирюшка, которая и сама выглядит отпадно. – Вау! Модная и всё брендовое – шик!

– Я не виновата, это всё мама, – немного смущаюсь, потому что моя одежда и правда сплошные бренды, которые стоят весьма не дешево.

– Куколка моя, я за тебя только рада! За тебя и за тетю Лену! Вы это заслужили. Кстати, ты в курсе, твой сводный будет?

Напоминание о Дементоре заставляет желудок предательски сжаться.

“Только бы нет! Только бы нет...” – думает половинка меня, немного трусливая и стыдливая.

– Хоть бы да, хоть бы да! – кричит другая часть, более раскованная и отвязная, благодаря которой мне, видимо, и снятся эти жаркие гаражные сны...

– Я не знаю, правда. Он живет отдельно. Мы не видимся.

– Эх, обидно, да? Если бы у меня был такой сводный и жил в соседней комнате, я бы...

Кирка глаза закатывает, и я вместе с ней.

– Хватит, пожалуйста. Ты забыла, что он сделал вчера в торговом центре?

– Не забыла! И, кстати, тебе, как будущему психологу, стоило бы провести анализ поведения.

– Ты, между прочим, тоже будущий психолог, – отвечаю я, чувствуя, как опять сжимается желудок.

– Да! И я, в отличие от тебя, анализ провела.

– И что же ты выяснила?

– Он просто тебя хочет! Понимаешь?

– Ты с ума сошла? – смотрю на подругу, буквально выкашивая глаза из орбит, а она только хохочет.

– Нет! Это же так просто! Все парни так делают. Да это во всех книгах про мажоров написано! Когда мажор хочет девчонку, он начинает ее унижать, типа борется с желанием.

– Где это ты читала книги про мажоров?

– Да господи, вся молодежная проза об этом! Ну, ты что?

– Я такое не читаю.

– Вот и зря! А я читаю. Там очень многое можно почерпнуть. Так вот, это всё из детства. Раньше за косички дергали почему? Потому что девочка нравилась, и мальчики так боролись со своим желанием.

– А зачем бороться? – спрашиваю, хотя сама прекрасно понимаю, уже включила мозги психолога.

– Затем, что влюбиться в девочку – зашквар! Вот они до сих пор из этого возраста некоторые не вылезли. Например, мой ботаник, Митька, он уже вырос.

– Неужели?

– Да, он в меня не влюблен и спокойно говорит об этом.

Ему нравится другая девочка.

– Ого! А я была уверена...

– Так, сейчас не об этом! Смотри! Дементор твой явно на тебя запал, иначе зачем ему обращать на тебя внимание?

– Затем. Из-за того, что я с ним поздоровалась.

– И что?

– Ну... – Понимаю, что мучительно краснею, но договариваю. – Я не соблюдала субординацию. Я не должна была говорить ему привет, вот и всё. Я сглупила. Он отреагировал. Больше я глупить не буду.

– Неужели? – Кире бы всё посмеяться! И мое объяснение ее, конечно, не впечатлило. – Глупая ты, кисуля, хоть и красивая. Поверь мне, опытной в отношениях, прочитавшей сто книг про мажоров из этой вселенной. Это – страсть! Желание! Хочет и считает, что это ужасно – хотеть такую, как ты. Но его отношение изменится!

– Знаешь, ты так говоришь, что мне кажется, ты сама пишешь эти книги про мажоров.

Кирюха неожиданно заливается краской. Ого! Неужели?

Но спросить я не успеваю, потому что мы слышим рев мотора.

Кто еще может подкатить к университету вот так?

Только мажорская банда.

Вернее, один из ее членов.

Тот, который, к сожалению, больше всех волнует меня.

Всё утро я старалась не думать о вчерашнем послании.

Гнала от себя мысли о плохом. Но сейчас меня бросает в дрожь, холодеют конечности.

“Придешь в универ, пожалеешь, пудель”.

О, да, кажется, я уже жалею!

Клим влетает на площадь перед универом на своем байке. Он весь в черном, и шлем у него абсолютно черный. Он снимает его, обводит собравшихся глазами.

К нему тут же подлетает куча народу. Среди них я, кажется, замечаю и ту девицу, которая была с ним вчера. Она бросается ему на шею, и они целуются. Открыто, жадно, страстно. А у меня в горле ком от обиды. И внизу живота скручивается болезненный спазм.

Он целует ее, а меня словно лезвиями режут, когтями рвут.

Зачем он мне снится тогда, если он с другой? И вообще, мне на него плевать!

– Ох, он, конечно, чистый секс! Скажи?

– По мне, так он наглый сноб. Ничего из себя не представляет. Живет за счет бабла отца, – говорю, а потом понимаю, что мои слова прозвучали в оглушительной тишине слишком громко.

А мы с Ксю стоим всего в нескольких метрах от Дементора!

Господи, я, похоже, подписала себе смертный приговор. Еще один.

Клим смотрит на меня, просто смотрит, без эмоций.

А вот его спутница, кажется, готова меня испепелить.

– О, кто это у нас тут гавкает? Пудель? Привет, ноунейм, смотри не обмочись от страха.

От этой реплики у меня перед глазами всё плывет.

Я унижена! В первый же день в универе! Это конец! Теперь точно все будут называть меня пуделем. И ноунеймом.

Это клеймо так просто не смоешь.

Особенно если я буду стоять и молчать, как сейчас.

А я, наверное, буду, потому что сил защищаться у меня нет.

– Сама не обмочись, овца! Если она пудель, то ты дворняжка, поняла?

У меня в горле пересыхает, когда я понимаю, что это моя Кира вступилась за меня!

Что теперь с нами будет?

– Вы че, твари, рамсы попутали? Вы на кого... – начинает было вставать, чтобы ответить нам, девица Дементора, но он тормозит ее. Поворачивает к себе и говорит спокойно:

– Не трать свою энергию на ничтожества. Займись лучше мной, малыш, утро без минета как-то не в радость.

Боже, он это сказал? Утро без минета?

Я бы со стыда сгорела! А она хохочет!

Поворачивается ко мне и смотрит так, словно уделала меня.

Но разве делать минет парню, который при всех вот так сказал, не унижительно? Или я чего-то не понимаю?

Клим и его спутница направляются в учебный корпус, а я торможу. Мне нужно собраться с силами. У меня до сих пор кружится голова.

– Кажется, наш университет можно поздравить, появились смелые новенькие, да, парни?

Один из старшекурсников, который не подходил к Климу, направляется к нам с парой приятелей.

Может, этот день не такой уж плохой?

– Привет, я Мирон, а тебя как зовут, кудряшка?

Глава 14

Майя

Клим со своей девушкой уже ушли, но я так и не могу мысленно их отпустить. Думаю о том, что они будут делать наедине. Она будет его трогать. Делать ему то самое...

Она, а не я! Почему это так обидно? Почему сердце ноет? Почему горло словно ножом режет?

“Очнись, тупица!” – говорю сама себе и несмело улыбаюсь парням.

Не потому, что они мне понравились, а просто потому, что хотя бы не оскорбляют. Да и, в принципе, не помешает капелька вежливости этим странным утром. Было бы неплохо с кем-то подружиться.

– Майя, а это Кира, моя подруга.

Парни переглядываются и без слов толкают друг друга локтями.

– А это мой брат Сева, а это Зыба, – Мирон быстро и коротко представляет мне и Кире своих друзей.

Мирон с братом чем-то похожи, крепкие, светловолосые, голубоглазые, обычные парни, каких сотни, богатенькие мажоры с невидимым налетом власти, которая позволяет им вести себя свободно и раскованно. А вот Зыба явно не из их круга. Видно, что занимается боксом или какими-то еще боевыми искусствами. Он просто громила. Молчаливый му-

скулистый шкаф, от одного взгляда которого хочется пожить. Такой разорвет и даже бровью не поведет.

– Очень приятно, – пищу, Кира тоже что-то отвечает.

Завязывается неловкий разговор. Неловкий, потому что лично я не привыкла к вниманию парней. И непринужденно общаться с первыми встречными просто-напросто стесняюсь. Я не из тех, кто быстро и легко заводит друзей и знакомых.

– Ну, что, девчонки, Первое сентября отмечать будем? Забурился куда-то? Или вы пойдете на посвящение? Давайте лучше с нами.

– А что за посвящение? – спрашиваю заинтересованно.

– Посвящение в студенты, квест такой, – кривится Мирон, – да ну, каждый год одно и то же. С нами интереснее будет. Кстати, а у вас есть третья подружка?

Мирон подходит ко мне и закидывает руку на плечо, мне сразу же становится неуютно, и я хочу вырваться из захвата, но не знаю, как это сделать так, чтобы не обидеть парня и не показаться грубой.

– Рука – твоя подружка, – вдруг слышу из-за спины ледяной голос Дементора, – свалил отсюда быстро, – цедит он, надвигаясь как большая черная птица.

Выглядит жутковато, только Мирон не пасует.

– Чё сказал? – цыкает он и сплевывает.

Зыба и Сева берут Киру в кольцо. У меня мурашки по коже. Что сейчас будет? Они подерутся? Устроят скандал?

За что мне всё это? Хочется зажмуриться, открыть глаза – и чтобы никого не было.

– Ты слышал, – холодно обрубает Клим, и в его глазах, таких же черных, как его душа, клубится гнев. – Убери от нее руки.

– Слышь, Дементьев, ничего не попутал? – это уже говорит Сева, выходит вперед и встает прямо напротив Клима. – Нас трое, а ты один. Расклад понятен?

– Расклад понятен всегда. Я говорю, вы делаете, – медленно произносит Дем и опускает руку в карман, достает оттуда телефон и играет им.

Ничего не делает больше, просто флегматично крутит его в руке.

Я совершенно не понимаю, что происходит, но давление на плечах ослабевает.

Мирон снимает руку с меня и отступает на шаг, он явно недоволен.

– Ходи и оглядывайся, – кидает Климу и зовет своих парней: – Чего стоим? Кого ждем?

Они уходят, смотря напоследок с отчетливо читаемой ненавистью во взглядах. Клим продолжает оставаться рядом, и я, всё еще дрожа от пережитого, встречаю его злой взгляд.

– Зачем ты их отогнал?

– Затем.

– Что, сложно сказать?

– Держись от них подальше. Ковалев и его банда не луч-

шая компания для такой неженки, как ты.

– Кли-и-и-им, – стонет его девка, выскакивая из учебного корпуса и направляясь к нам, когда добирается, сразу виснет на его руке. – Ну Клим, ну почему ты ушел?

Она настолько мерзкая, что мне непонятно, чем она может ему нравиться. Голос скрипучий, словно гаражная ржавая дверь скребет по бетону.

– Секунду, – кидает он ей, словно собаке кость, и снова смотрит на меня.

Причем мою подругу он как будто вообще не замечает.

– Ты меня поняла?

– Что я должна понять?

– Ты что, тупая? Чтобы я тебя с Ковалевым и его друзьями не видел.

Хочу спросить: “А то что?” – но странная скованность не дает мне продолжить препирательства со сводным. Еще и присутствие рядом его пищащей подружки напрягает, да и перед Кирой неудобно. Ощущение, словно я испортила ей праздник, втянув в свои семейные дразги.

– Дуй на учебу, пудель, не заставляй жаловаться родакам, – наставляет гадкий сводный.

Я молчу, и, видимо, Клим воспринимает это как знак согласия. Кивает и оборачивается к своей девке, которая радостно виснет на нем, и затем они вместе уходят в учебный корпус. Едва я поворачиваюсь к Кире, чтобы начать извиняться, как она хватается меня за руки и возбужденно шепчет:

– Майка, он точно влюбился! Бросил свою дурынду и вышел на разборки с парнями!

– Влюбился? Ты о чем? Он просто назло мне это сделал! Чтобы у меня вообще не было радости. Так Дементоры делают.

– Какие еще Дементоры? Ты чего? Он Дементор, потому что ходит в черном, вот и всё, – Кира счастливо смеется, – прикинь, вообще не может тебя видеть ни с кем, пришел и прогнал тех парней!

– А тебе не показалось странным, что они взяли и ушли? Их трое, а он один, почему так? – задумываюсь, прикусывая губу с внутренней стороны. – Сказал, что они знают расклад. Как думаешь, чем таким он может им угрожать?

– Мало ли, – Кира жмет плечами, – мы выясним так или иначе. Слушай, все уже разошлись, а мы ни с кем так и не познакомились. А вот этот Ковалев вроде ничего, да? Тебе понравился? И брат его вроде ничего. Ты же всё равно на Клима запала, так я могу забирать себе Ковалева?

Я просто стою и хлопаю глазами, удивленно глядя на подругу.

– В смысле запала? Ничего я не запала! Я его боюсь до дрожи! А он меня считает ноунеймом! Вообще сказал на глаза не попадаться.

– Ага-ага! А сам пришел и отогнал от тебя парней! Ну что, будущий психолог, какой будет твой вердикт?

– Мой вердикт – он просто изводит меня, я его раздражаю,

и он не хочет, чтобы я вообще чему-то радовалась и заводила здесь друзей, – говорю уныло, втайне мечтая, чтобы слова подруги про ревность Климса оказались правдой.

Но, скорее всего, это не так, ничего он не ревнует, просто испортил мне праздник, вот и всё.

– Это в тебе говорит неуверенность, Майчонок. Видела бы ты, какая ты красотка. Я бы за такие волосы, как у тебя, реально убила, – смеется она. – Короче, всё с твоим Демен-тором понятно. Влюбился, а показывать не хочет.

– Он не мой! – продолжаю упрямыться.

– Ладно-ладно, пойдем уже правда на учебу. Я слышала, что сегодня нам готовят сюрприз! Блин, я так волнуюсь!

Я тоже волнуюсь. Мало того, что первый день учебы. Новые лица, всё новое, неизвестное. Так еще и эта стычка возле универа заставила понервничать. Клим словно моя тень, при этом угрожает, приказывая держаться подальше. Бесит!

Входим в здание универа. Народа видимо-невидимо. Все стоят на первом этаже, мы находим местечко возле колонны. Климса и компанию Ковалева нигде не вижу. Везде незнакомые лица. Все возбужденно галдят. Голос высокого мужчины в клетчатом пиджаке, который представляется ректором, едва перекрывает гул.

– Сегодня начинается новый этап в вашей жизни! Сегодня вы станете студентами! – вещает он пафосно, и внутри рождается некий трепет.

Я действительно чувствую себя на пороге нового этапа.

– И в честь этого праздничного дня студенты старших курсов подготовили для вас квест – посвящение в студенты!

Слова ректора тонут в ликующих криках девчонок и парней вокруг нас, а потом всё стихает, когда на возвышение выступает он.

Мой Дементор. И он в маске, как в фильме “Пила”.

– Ну что, детишки, поиграем?

Глава 15

Майя

– Поиграем? Серьезно? – веселится стоящая рядом подруга, а мне почему-то совсем не весело.

Меня пугает он – Клим.

Пугает то, как сильно он на меня действует, как я стала от него зависима – думаю о нем слишком часто. Это неправильно.

Он меня унижает.

Ему до меня никакого дела нет!

Он плюнул нам с мамой в душу в первый же день. Оскорбил ее, меня, своего отца.

Он нас презирает.

В ответ я должна презирать его. А я не могу.

Не могу отделаться от тех воспоминаний, таких порочных. Стыдных.

Не могу забыть то, каким жестким и сильным было его тело. Его запах забыть не могу. Его глаза, магнетические, нереальные. Глаза хищника, тигра.

И сейчас я вижу в нем хищника.

А я добыча. Жертва.

Жалкий пудель, которого вот-вот загонит огромный доberman и разорвет на части.

Нет! Я не хочу быть пуделем и не буду!

Встряхиваю своей роскошной золотистой гривой и смотрю на Дементора, прямо и открыто.

А он...

Он не замечает меня. Ему до меня дела нет. Плевать!

А я, дурочка, напридумывала себе всякого! Еще и Кирюха подзуживает, мол, он на тебя запал, запал... Он не запал, он просто издевался.

– Ваши мобильные телефоны мы собираем. Они будут лежать в деканате. Не бойтесь, ваши гаджеты никто не тронет, это для чистоты эксперимента.

– Ого, а телефоны сдавать зачем? – спрашиваю тихо у Кирюхи, потому что, витая в облаках, думая о сводном, вообще выключила слух и голову.

– Кому-то что-то непонятно? – строго рычит Дементор, теперь точно глядя на меня. – С утра, перед походом в универ, голову нужно не завивать, а развивать!

Студенты дружно ржут, на меня пялятся, а я, конечно, начинаю краснеть.

Придурок! Мало ему пуделя?

– Для глухих повторяю, хотя это не в моих правилах. Сейчас каждый из вас получит карту и зашифрованные задания. Вас разобьют на группы, нужно будет выполнить задания и получить ключи.

– “Форт Байярд”, епта... – орет кто-то из толпы, Дементьев смотрит строго.

– Кстати, пока вы все тут, объявлю правила поведения в

нашей альма-матер. Никакого мата в чатах, на занятиях и в коридорах. За мат в официальных чатах и чатах курсов и групп – бан. За повторный – пожизненно! Вся общенная лексика за стенами заведения. Понятно? Слушаем дальше.

Он говорит, а я опять стою как дура, рот открыв. Какой же он...

– Да, это похоже на “Форт Байярд”, только, увы, жрать червей и насекомых вам не придется. Только грызть гранит науки, это в прямом смысле – увидите.

Итак, если все готовы – подходите к старостам групп. Скоро начинаем! О старте квеста объявит большой гонг. Также он объявит о том, что победитель найден. Всем удачи!

Мне же не показалось? Он посмотрел на меня, да? И усмехнулся? Что бы это значило?

Перед тем как сдать телефон, разблокирую и леденею, читая входящее.

“Ты всё-таки нарушила мой приказ, пудель? Что ж, скоро поймешь, что сделала это зря!”

У меня ноги становятся ватными, голова кружится. Кирка толкает меня в бок.

– Майка, ты чего? Боишься, что ли?

– Мне нехорошо, я, наверное, откажусь. Домой поеду.

– Ты что? Так нельзя! Это самое интересное! Если ты реально из-за сводного – забей, он на самом деле просто на те-

бя запал. Парни все такие, тебе ли не знать! С детства, девочка нравится – за косички дергают, сколько раз я тебе это говорила!

Если бы за косички.

– Готовы принять этот челлендж?

– Да! – кричит толпа, а я всё еще обмираю от страха.

– Если кто-то струсил или не считает себя достойным нашего братства – можно отказаться, но вы же понимаете, какой это кринж?

Все смеются, и, кажется, желающих сдать назад реально нет.

А если это буду я?

Я одна?

Подойду к Дементору и скажу, что я не буду участвовать в этом идиотском квесте?

И как это будет выглядеть?

Меня точно затроллят. Или еще хуже – забуллят.

Нет уж!

Ничего я не буду бояться! И пусть только попробует мне навредить, я... я всё расскажу его отцу!

Гордо вскидываю подбородок и внезапно встречаюсь глазами с Дементором.

Что смотришь? Я тебя не боюсь!

Он усмехается и качает головой. А потом спускается с импровизированной трибуны.

Мы сдаем телефоны, потом подходим к старосте, увы, нас

с Кирой делят, мы попадаем в разные группы. Просим поменяться, но нам отказывают. Вот же трэш!

– Никаких перемен, так мы до ночи не управимся, – надменно говорит подружка Клим, та самая, которая была с ним в торговом центре и которую он целовал несколько минут назад на площади перед универом.

Я попадаю в команду с тремя девчонками и пятью парнями.

– Что, пудель, погнали? – нагло ржет один из них и тут же получает толчок в бок от Дементора.

– Как ты ее назвал?

– Пудель... Клим, ты же сам...

– Во-первых не “ты”, а “вы”. Во-вторых, только я могу называть ее пуделем, ясно?

Меня с ног до головы словно кипятком ошпаривает. Дико краснею, колени трясутся.

А подруга, которая стоит поодаль, улыбается и показывает мне большой палец.

Всё классно? Да всё крипово!

Этот долбанный квест бесит.

Мы бегаем туда-сюда, вынуждены залезать на какие-то старые лестницы, копаться в пыли, в одном кабинете нам приходится вымыть пол, иначе лаборантка не отдает нужный ключ. Мы носимся по зданию почти час. Я устала, сил нет.

В одном из темных коридоров отстаю, пытаюсь отдышаться-

ся. Нам остался всего один ключ, одно гребаное задание. Я готова всё бросить, но пути назад нет.

Внезапно спотыкаюсь, а потом чувствую, как меня хватают сзади, зажимая рот.

Что за?

Пара мгновений, и я понимаю, что меня затолкали в какую-то каморку и закрыли!

Господи боже!

Мы были в каком-то старом крыле, куда сто лет никто не ходит! Тут темно! Я без телефона!

– Ты не выполнила приказ, детка, поэтому ты наказана, – голос хриплый, и я не могу понять, кто говорит. Это Дем? Клим? Или... кто-то другой? – Сиди тихо, и так и быть, через час я за тобой приду и открою дверь, а будешь орать, останешься тут на всю ночь, пудель.

Он сказал – пудель? Этот голос...

Неужели это правда Дементор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.